

Полифункциональность жестовых описаний в литературном тексте (на примере романа «Будденброки» Томаса Манна)

Е. И. Карпенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, elena_karpenko@list.ru

- Аннотация.** В статье представлен анализ некоторых способов репрезентации рекуррентных жестов в романе Томаса Манна «Будденброки». Показано, что семиотический статус жеста влияет на устойчивость сочетаний, номинирующих жестовые кинемы. Выявлены текстовые функции жестовых описаний, такие как имитация естественной полимодальной коммуникации, создание индивидуального пространства персонажа, его речевого и литературного портрета. Развернутые жестовые описания могут быть маркерами литературного направления, жанровой принадлежности литературного текста и индивидуального стиля писателя.
- Ключевые слова:** жестовое описание, композиция жеста, литературный персонаж, речевой портрет, литературный портрет, Томас Манн, натурализм
- Благодарности:** Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания по проекту «Полимодальный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса» (дополнительное соглашение № 075-03-2020-013/3 от 29.05.2020 г. к соглашению № 075-03-2020-013 от 28.12.2019), AAAA-A20-120071690041-3
- Для цитирования:** Карпенко Е. И. Полифункциональность жестовых описаний в литературном тексте (на примере романа «Будденброки» Томаса Манна) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 39–45. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_39

Original article

The Polyfunctionality of Gesture Descriptions in a Literary Text (“The Buddenbrooks” by Thomas Mann)

Elena I. Karpenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, elena_karpenko@list.ru

- Abstract.** The article analyses some ways of representation of recurrent gestures in Thomas Mann’s novel “The Buddenbrooks”. It is shown that the semiotic status of gesture influences the stability of combinations nominating gesture kinemes. In addition, textual functions of gesture descriptions, such as imitation of natural polymodal communication, creation of a character’s individual space, creation of a speech and literary portrait of a character are identified. Expanded gesture descriptions can be markers of literary direction, genre affiliation of a literary text and individual style of a writer.
- Keywords:** gesture description, gesture composition, literary character, speech portrait, literary portrait, Thomas Mann, naturalism
- Acknowledgments:** The research is carried out within the framework of the state assignment to the Moscow State Linguistic University; project «A polymodal analysis of the communicative behaviour of the speaker in different types of oral discourse» (collateral agreement № 075-03-2020-013/3 from 29.05.2020 to the agreement № 075-03-2020-013 from 28.12.2019), AAAA-A20-120071690041-3
- For citation:** Karpenko, E. I. (2022). The polyfunctionality of gesture descriptions in a literary text (“The Buddenbrooks” by Thomas Mann). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 39–45. 10.52070/2542-2197_2022_11_866_39

ВВЕДЕНИЕ

«Жестовый поворот» в современной полимодальной лингвистике способствовал успешному развитию исследований в области политической, юридической, академической, профессиональной и других видов коммуникации (А. Ченки, О. К. Ирисханова, М. В. Томская, А. В. Леонтьева, О. Н. Прокофьева и др.). Он также открывает новые возможности в области анализа и интерпретации художественных дискурсов (Е. Г. Логинова, И. В. Зыкова, С. О. Савчук). Хотя невербальное поведение литературных персонажей и возможности его лингвистической репрезентации вызывали интерес лингвистов и ранее (М. Д. Городникова, И. С. Баженова, О. В. Кобзева), сегодня естественная и художественная коммуникация рассматриваются как взаимодополняющие практики. Художественный дискурс пытается «имитировать естественные процессы порождения и восприятия высказывания», отображая разные модальности речи персонажей [Логинова, 2021, с. 203]. Состояние жестикуляционной лингвистики на современном этапе ее развития позволяет идентифицировать в художественном дискурсе речевые жесты, научное осмысление которых началось сравнительно недавно. Необходимость их репрезентации в художественном дискурсе лишь подтверждает значение речевых жестов и в естественной коммуникации.

Целью настоящей статьи является анализ способов репрезентации ряда рекуррентных жестов в романе Т. Манна «Будденброки» (1901) и выявление текстовых функций соответствующих жестовых описаний.

АНАЛИЗ ЖЕСТОВЫХ ОПИСАНИЙ В РОМАНЕ Т. МАННА «БУДДЕНБРОКИ»

Пристальное внимание писателя к внешности главных героев обусловлено не только желанием достоверно воссоздать тот или иной человеческий типаж. Как известно, детали внешности персонажа, его привычки, поведение, в том числе речевое, нередко несут символическую нагрузку, становятся элементами мотивной структуры произведения, маркерами подтекста. Достаточно напомнить о «стоматологическом» лейтмотиве в романе Томаса Манна «Будденброки»: состояние зубов представителей каждого поколения в семье становится символом жизненной силы и деловой успешности. Не менее подробно в специальной литературе проанализированы символические смыслы, проявляющиеся при описании глаз и волос представителей семейства Будденброк [Lenz, 1991; Bergmann, 2008].

Скрупулезно точная передача малейших деталей жизненных обстоятельств, эмоциональных состояний, поведенческих реакций может быть маркером принадлежности произведения или его фрагмента к определенному литературному направлению: в этом видят, в частности, свою задачу реализм и в еще большей степени натурализм [Kalverkämper, 1991]. Именно поэтому в «Будденброках» присутствует натуралистичное, технически и прагматически точное описание речевых жестов, на которые наука обратила внимание лишь недавно.

Для репрезентации жеста в письменной речи есть, как показывают исследования, две возможности: поступательное описание жестикуляции посредством свободных сочетаний (развертывания синтагмы) и использование кинесического кода языка, т. е. кодифицированных номинаций кинем [там же]. В работе «Номинации жестовых кинем в немецкоязычной художественной литературе» мы показывали, что среди номинаций жестовых кинем нередко встречаются наименования жестов-эмблем и жестов-адаптеров: *похлопать по плечу, скрестить руки на груди, пожать плечами, протянуть руку (для приветствия / прощания), покрутить пальцем у виска, помахать рукой, сжать руки в кулаки, потирать руки, барабанить пальцами (по столу)* и др. [Карпенко, Герус, 2021]. Однако в количественном отношении эти коллокации не отражают разнообразия жестов, используемых в естественной коммуникации, а также отображаемых в литературе. Если в естественных условиях говорящий жестикулирует спонтанно, и жесты являются частью симультанного полимодального процесса, то в художественной коммуникации (в том числе вследствие линейности письма) любое жестовое описание намеренно и подчинено замыслу автора [Kalverkämper, 1991].

В романе «Будденброки» встречаются различные по протяженности описания полимодальных речевых актов, включающие вербальные, паравербальные и невербальные характеристики. К невербальным средствам организации речевого акта относятся жесты, мимика, визуальный контакт, движения головы и тела, поза. Описание жеста эксплицирует все и / или некоторые элементы жестовой композиции [Гришина, 2017]. Ср.:

- (1) ...Du bist so ohne Mitleid und Liebe und Demut ... Ach!" rief er plötzlich, indem er beide Hände hinter seinen Kopf bewegte und sie dann weit vorwärts stieß, als wehrte er die ganze Welt von sich ab ... „Wie satt ich das alles habe... wie sterbenssatt!.. (Th. Mann. Buddenbrooks) – «... Ты не знаешь ни любви, ни сострадания, ни

смирения... Ах!» – внезапно выкрикнул он и поднял обе руки, собираясь схватиться за голову, но передумал и вытянул их вперед, как бы отталкивая от себя всё человечество¹.

В данном контексте речь идет об откровенном и крайне эмоциональном разговоре между братьями Томасом и Христианом Будденброками у гроба матери, когда они, не сдерживаемые более уважением к родительнице, обрушивают друг на друга лавину упреков и оскорблений. Обвиняя брата в бессердечии, Христиан сопровождает свои слова (которым дана просодическая характеристика *rief*) жестом, композиция которого в дословном переводе представлена так: *он закинул обе руки за голову и вытолкнул их затем вперед, будто бы хотел отгородиться от всего мира*. С нашей точки зрения, речь идет о варианте так называемого отбрасывающего жеста (*throwing away gesture*), когда говорящий отмахивает прочь от себя раздражающую (неприятную, негативно оцениваемую) тему разговора [Bressem, Müller, 2014]. Помимо данной прагматической функции жест Христиана выражает его эмоции по отношению к брату – *Widerwille und Überdruß*, которым он придает и вербальную форму: *как же мне всё это надоело, до смерти надоело*. Данное жестовое описание включает следующие элементы композиции жеста: направление движения (сначала *за голову*, затем *вперед от говорящего*), траектория движения (линейное движение сверху из-за головы вперед и вниз перед собой), выбор жестикулирующей руки (обе руки). Такие элементы композиции жеста, как конфигурация и ориентация ладони, опущены. Жест *throwing away*, согласно описанию его инварианта в специальной литературе, выполняется одной рукой с гораздо меньшей амплитудой, чем это представлено в рассматриваемом примере. Максимальная амплитуда жеста Христиана подчеркивается при помощи ирреального сравнения: *как бы отталкивая от себя всё человечество*. Манера исполнения жеста (обеими руками, с максимальной амплитудой) свидетельствует об эмоциональном напряжении говорящего, которое поддерживается просодической характеристикой речи, а также вербально (эмотивным междометием *Ach!*, гиперболой *sterbensatt* и синтаксическим удержанием). По сути, в тексте воспроизводится полимодальный речевой акт, в котором «говорящий через движения тела создает вокруг себя физическое пространство, которое становится продолжением системы координат дискурса» [Ирисханова, Маковеева, Томская,

¹ Перевод на русский язык приводится по изданию: Манн Т. Будденброки: История гибели одного семейства / пер. с нем. Наталии Ман. М.: Финансы и статистика, 1982.

2021, с. 190]. Жестом с максимальной амплитудой Христиан словно выталкивает брата из «своего» жизненного пространства.

Уже в описании одного из более ранних противостояний братьев Будденброк встречаем «классический» отбрасывающий жест, ср.:

- (2) „Was habe ich dir getan! Ich gehe schon von selbst, du brauchst mich nicht hinauszuerwerfen. – Pfui!“ fügte er mit aufrichtigem Vorwurf hinzu, und dieses Wort begleitete er mit einer kurzen, schnappenden Handbewegung nach vorn, als finde er eine Fliege (Th. Mann. Buddenbrooks). – «Что я тебе сделал? Я сам уеду отсюда, тебе незачем меня вышвыривать... Фу!» – с глубокой укоризной добавил он и схватил воздух рукой, точно поймал муху.

Будучи, с прагматической точки зрения, практически идентичным жесту в примере (1), жест в данном контексте выполняется одной рукой и с меньшей амплитудой. В жестовом описании траектория движения передается при помощи причастия: Христиан сделал короткое, *хватательное* движение ладонью перед собой. Как и в примере (1), используется ирреальное сравнение, уточняющее траекторию жеста: *точно поймал муху*. Томас грозит выгнать брата из дома, Христиан отвечает на возмущившую его угрозу. Если в примере (1) жест сигнализирует об эмоциональном состоянии говорящего, то в ситуации, описываемой в примере (2), эту функцию выполняет и элемент проксемики: поза Христиана, *немного изогнутая, в виде вопросительного знака*, а также *глаза, с красными кругами, доходившими до скул, как у отца, когда он был в гневе*.

В обоих примерах обращает на себя внимание гипертрофированность, театральность жеста или позы, что наряду с характеристикой текущего эмоционального состояния говорящего, соответствует нервно-артистическому имиджу младшего Будденброка [Vaget, 1982].

Полный перечень рекуррентных жестов, изученных к настоящему моменту, насчитывает 16 инвариантов [Bressem, Müller, 2014]². Рекуррентные жесты сохраняют стабильное семантическое ядро в контекстах с определенной прагматикой, несмотря на то, что выполняются разными говорящими. Они противопоставляются уникальным (*singular*) жестам, являющимся результатом экспромта [Müller, Bressem, Ladewig, 2013]. Каждому из 16 представленных рекуррентных жестов соответствуют прототипическая форма,

² В своем исследовании Яна Брессем и Корнелия Мюллер опираются на более ранние работы (см. библиографию).

семантическое ядро и прагматическая функция [Bressem, Müller, 2014]. Для идентификации рекуррентного жеста в литературном тексте необходимы, таким образом, не только анализ описания его композиции, но и соотнесение жеста с соответствующей репликой персонажа. Рассмотрим далее несколько жестовых описаний в романе Т. Манна, репрезентирующих различные типы рекуррентных жестов. Ср.:

- (3) Plötzlich jedoch streckte Herr Grünlich schirmend beide Hände über den Tisch hin, lange, von hohen blauen Adern durchzogene Hände, die ersichtlich zitterten, und rief mit bewegter Stimme: „Einen Augenblick! Noch einen Augenblick, Vater!“ (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – Но г-н Грюнлих, словно защищая книгу, простер над нею обе руки со вздутыми голубоватыми жилами и воскликнул дрожащим, взволнованным голосом: «Одну минуточку! Одну только минуточку, отец!»

Господин Грюнлих, если быть точным, *загораживаясь, протянул над столом обе руки*. Возможно, он накрыл руками бухгалтерскую книгу, пытаясь оправдаться перед состоятельным тестем, прежде чем тот откроет гротеск и узнает о плачевном финансовом положении зятя. Возможно, книга лежала рядом, а господин Грюнлих вытянул обе руки открытыми ладонями вверх прямо от себя, пытаясь отсрочить наступление неприятного момента, что подтверждается сопутствующей репликой (*Einen Augenblick!*). Удерживающий жест (*holding away gesture*) обычно выполняется говорящим открытой ладонью в вертикальном положении, направленной от себя; говорящий производит отталкивающее движение от себя, как бы останавливая или удерживая некоторый объект (прототипическая форма жеста). Жест означает отказ, исключение, торможение, отрицание (семантическое ядро жеста). Удерживающий жест употребляется в речевых контекстах, когда говорящий намерен прекратить коммуникацию, предотвратить навязывание чужого мнения, отвергает предлагаемую собеседником информацию или квалифицирует ее как нежелательную (прагматическая функция) [там же]. Так же, как и в примере (1), выполнение жеста двумя руками (вместо одной), просодическая характеристика речи персонажа (*rief mit bewegter Stimme*) свидетельствуют об эмоциональном напряжении говорящего.

Рассматриваемые далее жесты имеют один общий композиционный элемент – поднятый вверх указательный палец, ср.:

- (4) „Oh, Thomas“, sagte Christian, schüttelte ganz ernsthaft den Kopf und hob in etwas ungeschickter Weise einen Zeigefinger empor... „Was das betrifft, das kannst du nicht so ganz verstehen, siehst du...“ (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – «О Томас», – проговорил Христиан, огорченно покачивая головой и каким-то нелепым жестом поднимая кверху указательный палец. – «Тут, видишь ли, ты не в состоянии меня понять...»

Поднятый вверх и удерживаемый указательный палец (*stretched index finger – held*) означает требование внимания собеседника к началу новой темы или сигнал смены темы дискурса (прототипическая форма и семантическое ядро жеста) [там же]. То, что Христиан несколько неуклюже поднял вверх указательный палец может быть характеристикой неуверенной траектории движения руки. Описание мимики и движения головы – *огорченно покачивая головой* – завершает картину полимодального речевого акта. Христиан поднимает указательный палец перед тем, как начать утомительный для Томаса, но важный для него самого рассказ о странном недуге – невозможности глотать.

Следующий жест – поднятый вверх указательный палец, при этом кисть делает колебательное движение вверх-вниз [Акишина, Кано, Акишина, 1991]. Жест напоминает предыдущий, но имеет иное семантическое ядро и прагматическую функцию, ср.:

- (5) Die Pöppenrader Ernte auf dem Halm? „Ich werde es tun!“ sagte er mit leidenschaftlichen Flüstern und schüttelte sogar eine Hand mit ausgestrecktem Zeigefinger. „Ich werde es tun!“ (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – Пепенрадковский урожай на корню?.. «Я пойду на это!» убежденно прошептал он и даже потряс в воздухе рукой. «Я пойду на это!»

После мучительных раздумий Томас решает на сомнительную сделку, в результате которой фирма окончательно разоряется. Семантическое ядро жеста – упрек, недовольство; запрещение, предупреждение; угроза [там же]; его прагматическая функция состоит в привлечении внимания собеседника к словам говорящего. При дословном переводе композиция жеста несколько иная: он «даже потряс рукой, выставив вперед указательный палец». Томас грозит своему alter ego, выдвигающему аргументы против сделки. Жест подчеркивает решительность Томаса, однако такая показная решительность заглушает голос разума. Как и в предыдущих примерах, невербальные

характеристики речевого акта дополняются просодическими (тембр голоса, громкость речи).

Итак, среди лингвистических средств репрезентации рекуррентных жестов в романе «Будденброки» преобладают свободные сочетания, при этом для уточнения жеста используются сравнительные конструкции. Только в отношении последних двух жестов («указательный палец вверх» и «погрози́ть указательным пальцем») можно говорить о начале формирования устойчивых сочетаний. Это связано с семиотическим статусом рекуррентных жестов. Ученые полагают, что жесты «указательный палец вверх» и «погрози́ть указательным пальцем» уже завершили процесс «эмблематизации» [Bressem, Müller, 2014]. Жесты-эмблемы могут использоваться вместо речи, замещая высказывание (вместо вербальной угрозы можно погрози́ть указательным пальцем), и не обнаруживают значимых вариаций жестовой композиции. В немецком языке на основе жестового этимона путем метонимического переноса сформировалась непря́мая номинация «Zeigefinger» со значением «moralisierende Belehrung» (перенос наименования жеста, употребляющегося в определенной ситуации, на саму ситуацию), ср.: *in seinen Stücken spürt man zu sehr den erhobenen Zeigefinger*¹. Процессы эмблематизации жеста и кодификации соответствующей жестовой номинации взаимообусловлены. Номинации *jemandem mit dem Zeigefinger drohen, warnend den Zeigefinger erheben*², *drohend / warnend den Zeigefinger heben*³ можно считать вариантами одной жестовой номинации. С другой стороны, большое количество номинаций ослабляет устойчивость сочетания, ср. лемму данной кинемы в лингвострановедческом словаре «Жесты и мимика в русской речи»: *грози́ть / погрози́ть, тряссти / потрясти, качать / покачать, пригрози́ть [указательным] пальцем; делать / сделать пальцем угрожающий жест* [Акишина, Кано, Акишина, 1991, с. 58].

В свою очередь, отбрасывающий и удерживающий жесты употребляются, в основном, в сопровождении речи. Ученые выявили несколько вариантов их композиции, образующих группы жестов («жестовые семьи») с общими семантическим ядром и прагматической функцией [Bressem, Müller, 2014, с. 1579]. Нестабильность жестовой композиции препятствует образованию устойчивой номинации кинемы и открывает возможность свободного вариативного описания жеста. Кроме того, наличие устойчивой неидиоматичной номинации в этом случае ведет, как правило, к

омонимии. Например, для жеста «махнуть рукой» словарь «Жесты и мимика в русской речи» приводит четыре леммы с различными вариантами сочетаний (*помахать, замахать, отмахнуться; осадить жестом; сделать запретительный жест рукой* и др.). Причем идентифицировать отбрасывающий жест можно в значении только одной из четырех лемм, ср.: *недовольство, досада, раздражение; отрицательная оценка чего-л.* Может сопровождаться словами: *Ох!, Эх!* и т. п. [Акишина, Кано, Акишина, 1991, с. 87]. В этом смысле более однозначны такие номинации жестовых кинем, в которых присутствует указание не на композицию, а на семантическое ядро жеста, ср.:

- (6) „Nein... ach nein!“ sagte der Senator, indem er sich zusammen raffte und mit der Hand eine schwach ablehnende Geste beschrieb. „Es ist, wie es ist. Meint ihr, ich werde in die Gerichte laufen und gegen meine Mutter prozessieren, um dem internen Skandal einen öffentlichen hinzuzufügen?“ (*Th. Mann. Buddenbrooks*) – «Нет! Ах, нет!» – сказал сенатор, стараясь успокоиться, и безнадежно махнул рукой. – «Будь по-вашему! Неужели вы думаете, что я начну бегать по судам и заведу тяжбу с собственной матерью, чтобы к домашнему скандалу прибавить еще и общественный?»

Если присмотреться к дословному переводу, то вместе с вербальным отрицанием Томас делает легкий отвергающий жест рукой, резонирующий с высказыванием. Номинация *ablehnende Geste* (от нем. *ablehnen* – *отклонять, отвергать*) содержит указание на значение жеста: отвержение какого-л. предложения, отказ, отрицание. Хотя композиция данного жеста не эксплицирована, она без труда восстанавливается при обращении к фоновым знаниям говорящих.

Предположение о полифункциональности жестовых описаний в романе «Будденброки» возникло из наблюдения их «вездеприсутствия». Жестовые описания разной синтаксической протяженности встречаются и в характеристиках взаимодействия протагонистов в поворотные моменты их жизни (ссоры братьев Будденброк как вехи основного «декадентского» мотива романа), и в эпизодических сценах с участием второстепенных персонажей. Функция жестового описания заключается, прежде всего, в воссоздании реалистичной коммуникативной ситуации. Во всех приведенных примерах репрезентирован полимодальный речевой акт в совокупности вербальных, паравербальных (просодических) и невербальных характеристик, а следовательно, и физическое

¹ Duden online. URL: <https://www.duden.de/>

² Duden online. URL: <https://www.duden.de/>

³ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/>

микропространство говорящих. Амплитуда выполнения жеста, поза, громкость речи – косвенные маркеры величины того индивидуального пространства, на которое претендует говорящий. Оно же и маркер психофизического состояния персонажа. В этом смысле репрезентация рекуррентных жестов в «Будденброках» – дань эпохе натурализма. Томас Манн не только достоверно изображает композицию рекуррентных жестов, но и безупречно «попадает» в семантические и прагматические характеристики отбрасывающих, удерживающих, отрицательных жестов, соотнося их с соответствующим вербальным контекстом. Точность жестовых описаний обеспечивает выполнение ими остальных функций, как то: характеристика текущего эмоционального состояния героя; создание речевого и литературного портрета персонажа; построение мотивной структуры литературного текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на примере репрезентации рекуррентных жестов в романе Томаса Манна «Будденброки» мы убедились, что жестовым описаниям подобного типа свойственна полифункциональность. Как фактически, прагматически и функционально

достоверные описания, имитирующие процесс естественной полимодальной коммуникации в литературном тексте, они являются маркерами литературного направления и жанра, в данном случае натуралистического романа. Подобные описания включают в себя все или большинство элементов жестовой композиции, просодические характеристики сопутствующей речи персонажа, иные особенности мимики, визуального контакта, движений головы и тела, позы. Благодаря этим аудиовизуальным сигналам говорящий персонаж воссоздает вокруг себя личное физическое пространство, в котором он действует и взаимодействует с другими персонажами. В качестве характерологически точного представления речевых действий, выполняемых героем в определенной коммуникативной ситуации, жестовые описания вносят вклад в реализацию речевого портрета говорящего. Помимо этого, в рамках речевого портрета жестовые описания практически всегда связаны с передачей текущего эмоционального состояния героя, что подтверждается вербальными и паравербальными характеристиками речевого акта. Без сомнения, манера исполнения жеста, – например, неестественная, театральная жестикация Христиана, – способствует созданию литературного портрета как целостного макростилистического образа литературного персонажа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Логинова Е. Г. Метод диаграфического анализа в исследовании художественной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 1 (44). С. 202–213.
2. Lenz S. Buddenbrooks // Thomas Mann Jahrbuch. 1991. Vol. 4. P. 21–28. URL: <http://www.jstor.org/stable/24743204>.
3. Bergmann Ch. Die Augen der Buddenbrooks // Muttersprache. 2008. № 2. S. 156–171.
4. Kalverkämper H. Literatur und Körpersprache // Poetica. 1991. Vol. 23, no. 3/4. Pp. 328–73. URL: <http://www.jstor.org/stable/43027964>.
5. Карпенко Е. И., Герус С. К. Номинации жестовых кинем в немецкоязычной художественной литературе // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47). С. 245–254.
6. Гришина Е. А. Русская жестикация с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры. 2017.
7. Bressemer J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // Body – Language – Communication (HSK 38.2) / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S., McNeill D., Bressemer J. (eds.). De Gruyter, 2014. P. 1575–1591.
8. Ирисханова О. К., Маковеева А. И., Томская М. В. «Жестовый поворот» в исследованиях профессиональной коммуникации: синхронный перевод // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 1 (44). С. 190–202.
9. Vaget H. R. Der Asket Und Der Komödiant: Die Brüder Buddenbrook. MLN. 1982. Vol. 97, no. 3. Pp. 656–70. URL: <https://doi.org/10.2307/2906217>.
10. Müller C., Bressemer J., Ladewig S. Towards a grammar of gestures: A form-based view // Body – Language – Communication (HSK 38.1) / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S., McNeill D., Teßendorf S. (eds.). De Gruyter, 2013. P. 707–733.
11. Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991.

REFERENCES

1. Loginova, E. G. (2021). The diagraph analysis in the research of the arts as communication. *Cognitive Studies of Language*, 1(44), 202–213. (In Russ.)
2. Lenz, S. (1991). Buddenbrooks. *Thomas Mann Yearbook*, 4, 21–28. <http://www.jstor.org/stable/24743204>. (In Germ.)
3. Bergmann, Ch. (2008). The eyes of Buddenbrook. *Mother tongue*, 2, 156–171.
4. Kalverkämper, H. (1991). Literature and Body Language. *Poetica*, 23(3/4), 328–73.
5. Karpenko, E. I., Gerus, S. K. (2021). The nominations of gesture's kinemes in modern German literature. *Cognitive Studies of Language*, 4(47), 245–254. (In Russ.)
6. Grishina, E. A. (2017). *Russkaya zhestikulyaciya s lingvisticheskoy tochki zreniya (korpusnye issledovaniya) = Russian gestures from a linguistic point of view (corpus research)*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.)
7. Bressemer, J., Müller, C. (2014). A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, J. Bressemer (eds.), *Body – Language – Communication* (pp. 1575–1591): An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. *Handbooks of Linguistics and Communication Science (HSK) 38/2*. Berlin, Boston: De Gruyter: Mouton.
8. Iriskhanova, O. K., Makoveyeva, A. I., Tomskaya, M. V. (2021). «Gesture turn» in professional communication studies: simultaneous interpretation. *Cognitive Studies of Language*, 1(44), 190–202. (In Russ.)
9. Vaget, H. R. (1982). The Ascetic and the Comedian: The Brothers Buddenbrook. *MLN*, 97(3), 656–670. <https://doi.org/10.2307/2906217>
10. Müller, C., Bressemer, J., Ladewig, S. (2013). Towards a grammar of gestures: A form-based view. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf (eds.), *Body – Language – Communication* (pp. 707–733): An international handbook on multimodality in human interaction (HSK) 38/1. De Gruyter.
11. Akishina, A. A., Kano, H., Akishina, T. E. (1991). *Zhesty i mimika v russkoj rechi. Lingvostranovedcheskij slovar' = Gestures and mimicry in Russian speech. Linguistic and Country Studies Dictionary*. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпенко Елена Игоревна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karpenko Elena Igorevna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 13.05.2022
одобрена после рецензирования 23.05.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 13.05.2022
approved after reviewing 23.05.2022
accepted for publication 14.09.2022